

ОДНОСОСТАВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

В. Ю. МИХАЛЬЧЕНКО

Настоящая работа посвящена сопоставлению односоставных определенно-личных предложений русского и литовского языков. Материалом для исследования послужили извлечения из русской классической и советской литературы, а также из оригинальной литовской литературы.

В русской лингвистической литературе существуют работы, авторы которых анализируют структуру определенно-личных предложений, рассматривают их модальность, особенности их употребления¹.

Но в лингвистической литературе отсутствуют специальные исследования, посвященные рассмотрению определенно-личных конструкций литовского языка. Однако уже со времен первой литовской грамматики (1653 г.)² исследователи литовского языка отмечали случаи опущения местоимений при личных глаголах³. Некоторые общие замечания по определенно-личным предложениям литовского языка содержатся в „Синтаксисе современного литовского языка“ Й. Балькявичюса⁴.

Отсутствие специальных исследований по данному вопросу в литовской лингвистической литературе, а также то обстоятельство, что эти предложения не изучены на материале русского и литовского языков, делает целесообразным их сопоставительное изучение.

Определенно-личные предложения — односоставные конструкции с главным членом, выраженным 1-м или 2-м лицом единственного и множественного

¹ Н. Н. Арват, Неполные определенно-личные предложения в современном русском языке. — Ученые записки Черновицкого гос. университета, Вопросы синтаксиса, том XLVII, серия фил. наук, выпуск 14, Черновцы, 1961; Э. Я. Бобер, Об определенно-личных предложениях в современном русском языке. — Ученые записки Черновицкого гос. университета, Вопросы синтаксиса, том XLVII, выпуск 14, 1961; И. Я. Чернухина, Заметки об употреблении определенно-личных и синонимичных им двусоставных предложений в русском, польском и болгарском языках. — „Материалы по русско-славянскому языкознанию“, Воронеж, 1963; Т. Г. Почтенная, Наблюдения над употреблением односоставных предложений. — „Русский язык в школе“, 1957, № 2 и др.

² „Pirmoji lietuvių kalbos gramatika, 1653 m.“, V., 1957, p. 514.

³ К. Jaunius, Lietuvių kalbos gramatika, P., 1911, p. 14; F. Kurschat, Grammatik der Littauischen Sprache, Halle, 1876, p. 358; Rygiškių Jono Lietuvių kalbos sintaksė, Seinai, 1911, p. 10 ir kt.

⁴ J. Balkevičius, Dabartinės lietuvių kalbos sintaksė, V., 1963, p. 133.

числа глаголов настоящего и будущего времени, глаголами прошедшего времени, повелительного и сослагательного наклонений, указывающие на действия, состояния или волеизъявления определенного (говорящего или слушающего) лица, в своей конкретности раскрываемого обстановкой речи или контекстом.

Определенно-личные конструкции русского и литовского языков очень богаты морфологическими формами выражения главного члена. Существующие классификации определено-личных конструкций основываются на признаке времени⁵ или наклонения⁶ главного члена — глагола. Однако более приемлемым представляется деление определено-личных конструкций на основе синтаксического лица, выражаемого ими⁷. В зависимости от наличия 1-го или 2-го синтаксического лица определено-личные конструкции распадаются на две большие группы:

I. Определенно-личные предложения с 1-м синтаксическим лицом.

II. Определенно-личные предложения со 2-м синтаксическим лицом⁸.

Такое деление позволяет учесть синтаксическое своеобразие конструкций, в то время как деление по времени или наклонению глагола — главного члена определено-личной конструкции несколько затушевывает синтаксические различия двух разновидностей предложений, выражающих действия или состояния определенного лица. О различиях между конструкциями с первым и предложениями со 2-м синтаксическим лицом будет сказано ниже.

Дальнейшее деление определено-личных конструкций с 1-м и со 2-м синтаксическим лицом зависит от соотношения формального указания на логический субъект высказывания, которое содержится в главном члене, выраженном глаголом, и реального значения логического субъекта, на которое указывает контекст. Например, форма „идете“ указывает на множественный логический субъект, но в разных контекстах она может явиться главным членом определено-личной конструкции не только со множественным, но и с единичным логическим субъектом. Например, — Скажите, правду ли муж говорит? — сказала она, обращаясь к грозному Сильвио... (Пушкин, Выстрел). В зависимости от совпадения формального (синтаксического) лица с логическим субъектом, им выражаемым, или их расхождения целесообразно делить определено-личные предложения на следующие разновидности:

а) конструкции, в которых 1-ое или 2-ое синтаксическое лицо соответствует логическому субъекту. Например, **Иду на грозу. Идешь на грозу;**

б) конструкции, в которых 1-ое или 2-ое синтаксическое лицо шире логического субъекта. Например, **Пишем в зн. я пишу. Пишите в зн. ты пишешь;**

в) конструкции, в которых наблюдается соответствие между логическим субъектом и 1-м или 2-м синтаксическим лицом, однако логический

⁵ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 70.

⁶ Современный русский язык, ч. II, под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, М., 1964, стр. 396.

⁷ О синтаксических лицах см. О. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, СПб., 1902, стр. 100.

⁸ См. подобную классификацию *Mūsdienu latviešu literāras valodas gramatika, t. II, Sintakse, Rīga, 1963; J. Balkevičius, Dabartinės lietuvių kalbos sintaksė, V., 1963.*

субъект множественен и требует раскрытия. Например, **Работаем** в зн. **мы работаем**; **работаете** в зн. **работаете**.

Ниже будут рассмотрены определенно-личные предложения русского и литовского языков с 1-м и 2-м синтаксическим лицом, соответствующим логическому субъекту высказывания.

1. Определенно-личные предложения с 1-м синтаксическим лицом

Предложения с 1-м синтаксическим лицом в русском и в литовском языках выполняют важную коммуникативную функцию: они передают средствами языка субъективные переживания говорящего. Так, определенно-личные конструкции с 1-м синтаксическим лицом, главным членом которых является глагол настоящего времени, почти всегда выражают внутренние переживания говорящего. По нашим подсчетам⁹, 80% конструкций с глаголом настоящего времени выражают мысли, чувства, состояния 1-го лица и лишь 20% содержат конкретные действия 1-го лица:

– Прошу не умничать (Пушкин, Капитанская дочка). – Не думаю (Пушкин, Пиковая дама). – **Надеюсь**, что вы не заставите меня раскаться в моей снисходительности (Пушкин, Дубровский). – Интересуюсь его наружностью (Шолохов, Поднятая целина). – Не хочу быть посмешищем (там же).

– Nenoriu (Cvirka, Žemė maitintoja) Не хочу. – Žingsnio nejaučiu (ten pat). Шага не чувствую. – Neapkenčiu (ten pat). Ненавижу. – **Nežinau**, bet toks nujautimas (Vienuolis, Puodžiūnkiemis). Не знаю, но таково мое предчувствие.

Реже определенно-личные конструкции с главным членом, выраженным глаголом 1-го лица единственного числа настоящего времени, содержат указание на конкретные действия говорящего, причем такие действия, которые шире по временной протяженности, чем момент речи:

– Еду представляться государю (Пушкин, Арап Петра Великого). – Не имею ни отчества, ни близких (там же). – Так и езжу (Шолохов, Поднятая целина). – Так ведь не чужую рубашку стираю, а своего, родного (там же).

1) – Trečia naktis tampausi... (Cvirka, Žemė maitintoja). 2) – Matai gi, skepetas džiaustau (Vienuolis, Puodžiūnkiemis). 1^a Третий день таскаюсь. 2^a Видишь же, платки развешиваю. – **Kelios**, girdžiu (Vienuolis, Paskenduolė). Встаю, слышу. – Miegu, mamyt, miegu (ten pat). Сплю, мамочка, сплю.

Коммуникативная функция определенно-личных предложений зависит от семантики глагола – главного члена. Однако употребление глаголов с различной семантикой в роли главного члена обусловлено временем и лицом глагола.

⁹ Подсчеты даны по тексту (100 стр.) М. Шолохов „Поднятая целина“ и ее переводу на литовский язык Й. Гальвидиса. В случае совпадения количественного соотношения в русском тексте и его переводе дается одна цифра. Цель подсчетов – на материале сплошной выборки показать степень употребительности тех или иных конструкций.

Если определенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом настоящего времени, указывают на субъективные переживания говорящего и являются средством передачи субъективного, то коммуникативная функция предложений с главным членом, выраженным глаголом будущего времени, состоит преимущественно в сообщении о конкретном действии, которое говорящий намеревается совершить в будущем. Так, 92% определенно-личных конструкций с главным членом, выраженным глаголом будущего времени 1-го лица ед. числа, указывают на предлагаемые конкретные действия:

– Убей на месте, **а не пойду** (Шолохов, Поднятая целина). – Сбегаю, принесу ему пиджак... (там же).
– Загнусь раньше времени (там же).
– Завтра придется распрощаться с вами, **пойду в хутор** (там же).

– **Namie visų nesulaikysi, susiveršiu diržą, pabandyčiau leisti** (Cvirka, Žemė maitintoja). Дома всех не удержишь, подтяну пояс, попробую учить. **Tu sėdėk, nežiūrėk į mane, pakentėsiu (ten pat)**. Ты сиди, не смотри на меня, потерплю. – **Tučia pirmiausia prie jos prieisiu, ne prie jų (ten pat)**. Нарочно сначала к ней подойду, а не к ним. **Padarysiu, moč, padarysiu (Vienuolis, Puodžiūnkiemis)**. Сделаю, мать, сделаю.

Определенно-личные предложения с 1-м синтаксическим лицом, сообщающие о настоящих или о будущих действиях говорящего лица, характеризуются общими формальными и смысловыми особенностями в русском и литовском языках. В обоих языках они основаны на совпадении логического субъекта с 1-м синтаксическим лицом, их главный член выражен синтетической формой лица глагола¹⁰, выполняют те же коммуникативные функции, характеризуются высшей степенью определенности лица – субъекта¹¹.

Иначе обстоит дело с определенно-личными предложениями, выражающими прошедшие действия и состояния 2-го лица. В литовском языке имеются конструкции, главный член которых отличается по своей морфологической природе от соответствующих главных членов определенно-личных предложений русского языка. Исторически сложившаяся система глагольного спряжения литовского языка позволяет свободно употреблять односоставные конструкции с главным членом, выраженным глаголом прошедшего времени. Такая возможность создается благодаря наличию синтетического строя лица глагола прошедшего времени. В русском языке односоставным конструкциям литовского языка соответствуют предложения с личным местоимением:

– **Girdėjau, į teismą mane padavėt** (Cvirka, Žemė maitintoja). **Я слышал**, что вы на меня в суд подали. – **Iš tolo tave pažinau, už mylios (ten pat)**. Издали я тебя узнала, за километр. – **Kalendoriuje radau (ten pat)**. В календаре

¹⁰ Об аналитическом, аналитико-синтетическом и синтетическом способах выражения лица глагола см. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. II, Братислава, 1960, стр. 409–410.

¹¹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.–Л., 1947, стр. 458.

нашел. — *Pirmą ežiąženklį Klanguose supyliau (ten pat)*. Первую борозду я провел в Клангяй.

Понимая всю сложность решения вопроса о составе конструкции с личным местоимением при глаголе прошедшего времени, все же выскажем некоторые соображения по данному вопросу. А. А. Юдин, на наш взгляд, правильно писал о том, что при определении состава предложения „...надо исходить только из грамматического определения синтаксического подлежащего и сказуемого и других членов предложения, не подменяя грамматику логикой“¹². Автор статьи совершенно верно отметил, что понятие „односоставность“ — синтаксическое понятие, которое возникло при классификации предложений на основе структурно-формальных признаков. Решая вопрос о составе конструкций, следует учитывать не наличие логического субъекта, выраженного отдельным словом, а присутствие или отсутствие состава подлежащего. Личное местоимение при глаголах прошедшего времени вряд ли можно считать грамматически независимым членом предложения, образующим состав подлежащего. В. В. Виноградов писал о том, что „...местоименные личные префиксы срастаются с формами на -л (-ла, -ло, -ли) в одну целостную аналитическую форму, в которой все морфологические элементы и их значения семантически спаяны и слиты“¹³. Личное местоимение при глаголах прошедшего времени может не являться грамматически независимым членом предложения, оно может лишь „дополнять“ недостающие морфологические категории глагола. Однако, признав конструкции с глаголом прошедшего времени, характеризующимся аналитической формой лица, односоставными, нельзя оставить вне поля зрения то обстоятельство, что личное местоимение может принимать логическое ударение, иметь при себе поясняющие слова, т.е. оно может по определенным формальным причинам порвать с составом сказуемого и образовать самостоятельный состав подлежащего.

Отметим случаи односоставности конструкций с главным членом, выраженным глаголом в аналитической форме лица:

1. Конструкции с постпозитивным местоимением:

— Однако рос я в этот год туго (Шолохов, Поднятая целина). — Схоронил я дома это ружье под застреху в сарае, никому про свою покупку не сказал (там же). — Узнал я, что он один поехал, и перекрестился, а то бы пришлось их обоих бить (там же).

Местоимение „я“ соответствует личному окончанию, даже по своему месту идет за глаголом, хотя и в качестве отдельного слова.

2. Конструкции с препозитивными местоимениями, не ударяемыми логически:

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну... (Пушкин, Метель). — Я подошел (Шолохов, Поднятая целина). — Каждый месяц я измерял свой рост... (там же).

¹² А. А. Юдин, Об отличии односоставных предложений от двусоставных. — „Вопросы русского языкознания“, т. XXX, Рязань, 1962, стр. 35.

¹³ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 453. См. также А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. 3, стр. 73.

Предложения с постпозитивным и препозитивным логически не ударяемым местоимением с русского языка на литовский свободно переводятся односоставными конструкциями, главный член которых выражается синтетической формой лица глагола. Например, *Bet augau tais metais blogai; Sužinojau, kad jis vienas išvažiavo, ir persižegnojau...* и т.д. Возможность такого перевода говорит о том, что личное местоимение не несет никакой смысловой нагрузки, является формальным указанием на лицо глагола.

Двусоставной следует считать определенно-личную конструкцию с логически ударяемым местоимением при глаголах прошедшего времени:

– Я сам замучился до чертиков (Шолохов, Поднятая целина). – Ты же и помогла им помереть (там же). – Рубаху ты мне принесла? (там же).

На литовский язык перевести конструкции с логически ударяемым местоимением можно лишь соответствующими предложениями, в которых налицо личное местоимение. Например, – *Aš pats pavargau be galo; Tu gi ir padėjai jiems numirti; Baltinius tu man atnešei?*

На логическую ударяемость могут указывать лексические элементы (же, сам) или контекст: по контексту становится ясным, что Давыдов удивляется, как в его палатке могла оказаться рубашка и спрашивает у Вари, она ли принесла её.

Противопоставление субъектов в пределах самого предложения или в ближайшем контексте тоже влечет за собой увеличение роли личного местоимения, способствует образованию состава подлежащего.

– И тут я вовсе сненавидел своих хуторных... (Шолохов, Поднятая целина). – Видал ты его? (там же). – А ты умирился с непривычки... (там же). – А я под кроватью лежал, подслушивал (там же).

Двусоставным является предложение с главным членом, выраженным глаголом прошедшего времени, в том случае, если личное местоимение имеет при себе обособленные члены предложения:

– А вот почему ты, сторонний в этом деле человек, молчал? (Шолохов, Поднятая целина).

Итак, если в литовском языке определенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом прошедшего времени, бывают односоставными или двусоставными, то в русском языке констр. с главным членом-глаголом прошедшего времени, может быть односоставной, двусоставной и неполной. При отсутствии личного „префикса“ конструкция будет неполной, так как её главному члену характерна неполнота формальных показателей.

Коммуникативная функция определенно-личных предложений с 1-м синтаксическим лицом, выражающих действия или состояния говорящего в прошлом, состоит в сообщении о конкретных действиях (75%) или о внутренних состояниях 1-го лица, имевших место в прошлом.

В литовском языке в отличие от русского языка распространены односоставные определенно-личные конструкции с 1-м лицом, главным членом которых является глагол сослагательного наклонения:

– *Gi liaką užmiršau pasiimti, būčiau žibalo parsivežęs (Vienuolis, Puodžiūnkiemis).* Я забыл посудину взять, привез бы керосину. – *Būčiau žinojęs,*

būčiau ir kojos iš namų nekėlęs (ten pat). — Если бы я знал, то из дому не выходил бы.

Определенно-личные предложения могут выражать действия не только единичного деятеля, но и множественного. Множественный деятель передается формами множественного числа всех времен (идем, мы шли, будем идти). Такие конструкции, кроме определенности лица, на которую указывает форма множественного числа 1-го лица, содержат и его неопределенность. Определенность состоит в формальном указании на участие в действии 1-го лица. Например, идем = я + другие; неопределенность кроется в множественности деятеля („другие“ — кто они? Сколько их?).

— Живем при них с такой оглядкой аж тошно! (Шолохов, Поднятая целина). — Кто к нам надолго — кормим, а кто на часок, в гости — того не кормим, а только провожаем низкими поклонами (там же).

— Man todosi, perdaug greit užmirštamė, kas esame (Vienuolis, Puodžiūnkiemis). Мне кажется, слишком быстро забываем, кто мы. — Šitokį kaštą ant jų dedame, ir dar už juos melskis (ten pat). Столько расходов из-за них, и еще молись за них.

Однако решающим в определенно-личных предложениях с 1-м множественным лицом оказывается элемент определенности, о чем свидетельствует тот факт, что конструкции эти по функционированию не отличаются от предложений с 1-м единичным деятелем: они также употребляются без личных местоимений, наблюдаются те же закономерности в семантической обусловленности глаголов разных времен.

Следует отметить, что определенно-личные конструкции русского и литовского языков с 1-м синтаксическим лицом обнаруживают черты сходства в коммуникативной функции, в употреблении глаголов с разнообразной семантикой в качестве главного члена определенно-личного предложения. Различия наблюдаются лишь в морфологической природе главного члена определенно-личного предложения.

II. Определенно-личные предложения со 2-м синтаксическим лицом

Определенно-личные предложения со 2-м синтаксическим лицом могут выражать волеизъявления говорящего. По нашим подсчетам, 54,6% конструкций с главным членом, выраженным глаголом 2-го лица, содержат просьбу, увещание, приказ, относящиеся к слушателю. В качестве главного члена в таких конструкциях выступает глагол повелительного наклонения с семантикой конкретного действия:

— Расскажи, Расскажи по порядку (Пушкин, Барышня-крестьянка). — Отворяй! (Пушкин, Капитанская дочка). — Неси живей топор, а то издохнет без всякого толку (Шолохов, Поднятая целина). — Выходи! (там же). — А ну покажи своего пеху (там же).

— Nieko, dirbk sau, Monikut! (Cvirka, Žemė maitintoja). Ничего, работай, Моника. — Oi, Ulijona, neatsižadėk! (ten pat). Ой, Улиёна, не зарекайся! — Tik jau nepermokėk, kaip Antanas Baraišai (Vienuolis, Puodžiūnkiemis). Только не переплати, как Антанас Барайше.

Примерно 63% всех конструкций с главным членом, выраженным глаголом 2-го лица единственного числа, являются вопросительными (ср. с конструкциями, главным членом которых выступает глагол 1-го лица ед. числа, — они в тексте ни разу не были употреблены в вопросительной форме):

— А разве не знаешь приметы (Пушкин, Дубровский). — Старая борода, небредишь ли? (Пушкин, Арап Петра Великого). — Стареешь, милушка Яков Лукич? (Шолохов, Поднятая целина). — В ссыпку хочешь? (там же).

— O ką gi kūmais prašysi? (Vienuolis, Paskenduolė). — А кого же в кумовья просить будешь? — Ar sakeis gi kunigui? (ten pat) — Говорила ли ты об этом ксендзу? — Ar užtvanką darai? (Vienuolis, Puodžiūnkiemis). Плотину строишь? — Sutinki? (ten pat). Соглашаешься?

Повествовательные определенно-личные предложения со 2-м синтаксическим лицом с главным членом, выраженным глаголом настоящего времени, выражают а) действия собеседника, совпадающие с моментом речи, б) действия, состояния, характерные для собеседника:

а. — А лжешь, — сказала она, — не на дуру напал (Пушкин, Барышня-крестьянка). — O meluoji, — tarė ji, — ne ant kvaišės pataikei. — Видишь, я на все решаюсь (Лермонтов, Герой нашего времени). — Matai, aš pasiryžęs viską padaryti. — Не клажу везешь, считай, порожнем едешь, факт (Шолохов, Поднятая целина). — Ne kroviniį veži, tuščiomis važiuoji, faktas.

б. — Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь... (Пушкин, Дубровский). — Žinomas daiktas, kur tau pinigų švaistyti: gyvenimiškie kaip kiaulė, svečių nepriiminėjai, savo pavaldinius skriaudi... — Только слава, что солдат учишь, ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь (Пушкин, Капитанская дочка). — Viena tik ta garbė, kad kareivius mokai, o šiaip nei jiems tarnyba nesiseka, nei tu pats ką joje išmanai...

Интересно отметить, что глаголы со значением внутренних переживаний человека, которые в конструкциях с 1-м синтаксическим лицом употреблялись в качестве главного члена повествовательного определенно-личного предложения, в конструкциях со 2-м синтаксическим лицом наблюдаются преимущественно в вопросительной форме. В повествовательной конструкции такие глаголы выступают лишь главным членом придаточного условного, которое относится к главному предложению, содержащему сообщение о действиях 1 или 3 лица:

— Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте (Пушкин, Барышня-крестьянка). — Jeigu nori, aš bematant išmokysiu tave skaityti ir rašyti. — Если хочешь знать, так не подснежниками твои щеки пахнут, а редькой с луком и с постным маслом (Шолохов, Поднятая целина). — Jei nori žinoti, tai ne pakalnutėmis tavo skruostai kvėpia, o ropė su svogūnais.

Определенно-личные предложения со 2-м синтаксическим лицом характеризуются тем, что в них весьма часто употребляется обращение — примерно 27% конструкций с главным членом, выраженным глаголом изъявительного наклонения, и 33,5% — с глаголом повелительного наклонения, содержат

обращение. Особенно выпукло данная черта предложений с 2-м синтаксическим лицом выступает при их сопоставлении с конструкциями, главным членом которых является глагол 1-го лица; в конструкциях с 1-м синтаксическим лицом обращение отмечено лишь 2,5% предложений.

Обращение является важным структурным элементом определенно-личного предложения¹⁴. Но употребление обращения в конструкциях с 1-м и со 2-м синтаксическим лицом существенно различается. В определенно-личных предложениях с 1-м синтаксическим лицом оно относит высказывание к нужному лицу и соотносится со всем определенно-личным предложением. Например, — *Вижу, Азамат*, что тебе больно понравилась эта лошадь (*Лермонтов, Герой нашего времени*). В определенно-личных конструкциях со 2-м синтаксическим лицом обращение выполняет двойную функцию: с одной стороны, называет адресат высказывания, а с другой стороны, конкретизирует логический субъект определенно-личной конструкции. Например, — *Стареешь, милушка Яков Лукич?* (*Шолохов, Поднятая целина*).

А. А. Потебня писал: „Синтаксическое различие именительного и звательного в том, что именительный лишь в местоимениях личных я и мы, ты и вы есть 1 и 2 лицо; остальные имена суть 3-е лицо, между тем как звательный... есть 2 лицо и, как таковое, согласуется со 2-м лицом глагола“¹⁵. Именительный и звательный выражают субъект, но в разных предложениях: именительный в конструкциях с 3 лицом, а звательный в предложениях со 2 синтаксическим лицом. А. А. Потебня считал, что в разговорной речи расстояние между этими падежами и сказуемым одинаково. Подтверждением этой мысли исследователя могут служить случаи употребления именительного на месте звательного в определенно-личных конструкциях со 2-м синтаксическим лицом литовского языка:

— *Kiek ponas duotum su gyvu ir kiek be gyvo* (*Vienuolis, Puodžiūnkiemis*). Сколько бы вы, господин, дали с живым (инвентарем) и сколько без живого? — *Ar ponas juokiesi iš mūsų, ar pats nieko nesupranti?* (*ten pat*). — Смеешься ли ты господин над нами, или сам ничего не понимаешь? — *Ar pats išeis, ar tėvelis jam atsakei?* (*ten pat*). Он сам уйдет, или ты, папа, ему отказал? — *Pašaukt, ar ponaitis pats pas ją nueisi?* (*ten pat*). Позвать, или вы, господин, сами к ней пойдете? — *Ponas įsakyk bernams, kad jie kelio laikytųsi* (*ten pat*). Господин, прикажи своим батракам, чтобы они ходили бы по дороге.

Такое употребление именительного на месте звательного наблюдается лишь в определенно-личных предложениях со 2-м синтаксическим лицом, т.е. в тех случаях, когда звательный не только называет адресат высказывания, но и конкретизирует логический субъект высказывания. Видимо, именно благодаря сочетанию функций обращения с функцией приложения появляется возможность употребления именительного на месте звательного падежа. Возможно, процесс замены в русском языке звательного именительным шел через определенно-личные конструкции со 2-м синтаксическим ли-

¹⁴ См. Э. Я. Бобер, Об определенно-личных предложениях в современном русском языке. — Ученые записки Черновицкого университета, Вопросы синтаксиса, т. XLVII, вып. 14, 1961.

¹⁵ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, том I—II, М., 1958, стр. 101.

цом. Сначала могли употребляться такие конструкции, как в литовском языке, а потом могло произойти интонационное обособление именительного падежа.

Для литовского языка характерен синтетический строй лица глагола. Но некоторые глаголы II спряжения обнаруживают черты аналитизма. Так, глаголы „mylėti, norėti, tylėti, žiūrėti“ и др. (любить, хотеть, молчать, смотреть) в 3 и 2 лице настоящего времени имеют омонимные формы — *tyli, nori, tyli, žiūri*. В качестве главного члена определенно-личного предложения эти глаголы функционируют, не обнаруживая различий с остальными глаголами:

— *Gyvenk, jei nori* (Cvirka, *Žemė maitintoja*). Живи, если хочешь. — *Na, bobike! Nenori ir pasisveikinti?* (ten pat). Ну бабонька! Не хочешь и поздороваться! — *Na, ko gi tyli, sakyk* (Vienuolis, *Paskenduolė*). Ну, чего же молчишь, скажи! — *O ko tyli?* (Vienuolis, *Puodžiūnkiemis*). А чего молчишь?

Отсутствие личного местоимения объясняется тем, что оно компенсируется другими показателями определенно-личных предложений со 2-м синтаксическим лицом: наличие повелительного наклонения, обращения, вопросительная интонация. В. В. Виноградов писал о различии форм 1-го, 2-го и 3-го лица следующее: „Соотносительные формы 1-го и 2-го лица, указывающие на говорящего и его собеседника в определенно-личном и неопределенно-личном их понимании, противопоставляются предметно-личным формам 3-го лица“¹⁸. Аналитические формы лица развиваются лишь тогда, когда перестают дифференцироваться формы 1-го и 2-го лица, которые близки по синтаксическому употреблению.

Выводы:

А. В русском и в литовском языках определенно-личные предложения распадаются на две разновидности — конструкции с 1-м синтаксическим лицом и со 2-м синтаксическим лицом. Эти две разновидности определенно-личных предложений различаются следующими чертами:

1. **Морфологическая основа** определенно-личных предложений с 1-м синтаксическим лицом — 1-ое лицо ед. и мн. числа глагола, а со 2-м синтаксическим лицом — 2-е лицо ед. и мн. числа.

2. **Степень определенности лица** различна: наиболее определенное лицо выражают конструкции с 1-м синтаксическим лицом, главный член которых выражен глаголом 1-го лица ед. числа. Далее следуют конструкции с главным членом, выраженным глаголом 2-го лица единственного числа. Наименее определенное лицо содержится в предложениях с главным членом, выраженным глаголом 1-го или 2-го лица множественного числа.

3. **Коммуникативная функция** предложений с 1-м синтаксическим лицом состоит в сообщении о действиях и состояниях говорящего, а коммуникативная функция предложений со 2-м синтаксическим лицом состоит в 1) сообщении о действиях собеседника; 2) желании говорящего узнать о действиях или состояниях собеседника; 3) в выражении волеизъявлений говорящего по отношению к собеседнику. В зависимости от коммуникативной

¹⁸ В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947, стр. 460.

функции предложения с 1-м синтаксическим лицом бывают повествовательными (утвердительными или отрицательными), а предложения со 2-м синтаксическим лицом бывают повествовательными, вопросительными и побудительными.

4. **Обращение** в определено-личных конструкциях с 1-м синтаксическим лицом лишь называет собеседника и соотносится со всем определено-личным предложением, в конструкциях со 2-м синтаксическим лицом имеет двойную функцию: 1) называет лицо, к которому обращена речь, 2) конкретизирует логический субъект определено-личного предложения.

Б. Определено-личные предложения русского и литовского языков обнаруживают черты сходства в синтаксической природе определено-личных предложений, в степени определенности субъекта, в коммуникативной функции, в степени распространения определено-личных предложений.

Определено-личные конструкции русского и литовского языков обнаруживают следующие черты различия:

1) В литовском языке преобладают определено-личные предложения, главным членом которых выступает глагол в синтетической форме лица, а в русском языке употребляются конструкции с главным — членом глаголом в аналитической форме.

2) В определено-личных предложениях литовского языка со 2-м синтаксическим лицом наблюдаются случаи употребления именительного падежа на месте звательного.

3) Хотя некоторые глаголы литовского языка обнаруживают черты аналитического строя лица, но различия в синтаксическом функционировании форм 2-го и 3-го лица ослабляют их морфологическую омонимичность.

Smolensko Valstybinis pedagoginis institutas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1966 m. gegužės mėn.

VIENANARIAI APIBRĖŽTINIAI ASMENINIAI SAKINIAI DABARTINĖSE RUSŲ IR LIETUVIŲ KALBOSE

V. MICHALČENKO

(R e z i u m ė)

Straipsnyje analizuojami vienanariai apibrėžtiniai asmeniniai sakiniai, jų bendrumai bei skirtumai lietuvių ir rusų kalbose. Sakiniai skirstomi, remiantis morfologinės formos bei sintaksinės reikšmės santykiu. Forma — 1 ir 2 asmenys, išreikšti veiksmažodžio sintetine arba analitine forma, o sintaksinė reikšmė — konkreti veiksmažodžio formos reikšmė, kuri išryškėja kontekste. Apibrėžtiniai sakiniai skirstomi į dvi grupes: a) sakiniai su 1-ju asmeniu; b) sakiniai su 2-ju asmeniu. Šios dvi apibrėžtinių sakinių grupės skiriasi pagrindinio sakinio nario morfologine forma, asmens apibrėžtumo laipsniu bei kreipinio funkcijomis.

Sąvoka „vienanaris sakiny“ buvo sukurta sakinio formai žymėti, todėl, sprendžiant klausimą apie sakinio vienanariškumą, būtina įsigilinti į asmeninio įvardžio funkcijas sakinyje, jo sintaksinius santykius.

Medžiagos analizė rodo, kad rusų ir lietuvių kalbų vienanariai apibrėžtiniai sakiniai turi bendrą bruožą, kurie išryškėja šių sakinių funkcijose bei pagrindinio nario morfologinėje formoje. Skirtumai pastebimi kreipinio vartojime ir analitinių veiksmažodžio formų šiuose sakiniuose paplitimo laipsnyje bei šių formų sintaksinėse savybėse.